

Светлана Алешина

Подарок от нечистого сердца

*Часть сборника
Подарок от нечистого сердца
(сборник)*

Новая русская

Светлана Алешина

Подарок от нечистого сердца

«Научная книга»

2003

Алешина С.

Подарок от нечистого сердца / С. Алешина — «Научная книга», 2003 — (Новая русская)

«...Макаров, вполуха слушая его, повернулся к тамаде и произнес:– Нужно пойти посмотреть, может, он жив еще.– Да какое там жив! – махнул рукой тамада. – Я видел, у него зрачки закатились.– Все равно, нужно посмотреть, – бросил Вадим и двинулся по коридору. Тамада, опасливо поежившись, двинулся за ним, а следом еще несколько человек. Стас, уже понявший, что случилось нечто, совсем невеселое, осторожно подошел к жене и тронул ее за плечо. Елена быстро повернулась, закатила глаза и, схватив мужа за руку, зашептала:– Человек в мужском туалете лежит, мертвый!– Какой человек? – только и спросил Асташевский.– Я же говорю, мертвый! – Елена, по ее мнению, дала исчерпывающий ответ.– А кто он? – тоже шепотом продолжал допытываться Стас.– Не знаю! Кажется, кто-то из молодежи! Тамада пошел в туалет и на него наткнулся...»

© Алешина С., 2003

© Научная книга, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Подарок от нечистого сердца

Глава 1

– Светочка, мне вот этого положите, пожалуйста... И еще этого... Можно побольше... Да, спасибо, Светочка!

Елена посмотрела на мужа осуждающе. Действительно, в Станиславе было больше ста двадцати килограмм весу, а аппетит всегда на уровне воспитанника слоновьего питомника.

Но Стас Асташевский, бизнесмен-лекарственный, ничего не заметил. Получив от соседки по столу свою тарелку, куда она нагроулила ему сразу несколько салатов, он принялся с упоением предаваться обжорству.

– Горько! – не очень смело воскликнул худощавый мужчина средних лет, сидевший напротив Асташевского.

– Го-орько! – соседка худощавого обладала голосом гораздо более мощным и резким, и призыв был услышан хмельным сообществом, собравшимся за столом.

– Гор-рь-ко! – взорвался зал мощным хором.

– Горько! – тут же поддержали призыв супруги Асташевские.

Все взоры, как и положено, были обращены к жениху и невесте. Жених встал, держа за руку невесту, и немного погодя уста их слились в поцелуе. Сообщество было удовлетворено. Удовлетворение возросло, когда все опрокинули в глотки очередную порцию алкоголя.

Асташевский продолжал есть. Аппетит у него после рюмочки водки только прибавился, и супруге пришлось в очередной раз вздохнуть по этому поводу.

– Светочка, можно вас попросить?.. Вот там вот лежит... красивенькое такое. Вкусное, наверное?..

– Конечно, вкусное, – сквозь зубы процедила Елена и отвернулась.

Стас тем временем, получив то, что просил у своей соседки Светланы, крупной женщины с обесцвеченными белыми волосами, забранными в причудливый горб, снова предался чревоугодию. И тут к его жене Елене подошел человек с выцветшими глазами и веселенькой улыбкой на пьяном лице.

– Вот девчонки какие хорошие сидят! Прямо-таки невесты. А можно ли спросить у вас разрешения на танец?

Елена пожала плечами, потом несмело улыбнулась и встала. Асташевский, едва прервавшись, посмотрел краем глаза на подошедшего и удовлетворенно кивнул. Это был его старый знакомый, Борис Сергеевич Фунин, отошедший от дел и потихоньку спивающийся риэлтор. Всеми делами в фирме ведала его жена Тамара и по причине нарастающей бесполезности мужа все чаще ставила вопрос о разводе. Но Фунин был человеком, который не тушевался ни в каких ситуациях и принимал происходящее с философским спокойствием, продолжая жить как жил. Вот и сейчас он просто радовался тому, что оказался на свадьбе, где женился сын его с Асташевским старого друга Вадима Макарова, владельца радиостанции «Радио-М». Попутно Борис Сергеевич по старой ловеласовской привычке выискивал среди гостей дам, за которыми можно хотя бы слегка приударить. И Елена Асташевская оказалась в данном случае раком на безрыбье.

Сидевший наискосок от Асташевского импозантный брюнет с греческим профилем и чуть уже седоватым хвостиком волос поднялся и, сделав небрежный жест, попросил внимания. Как по команде, все разговоры за столом стихли, только наиболее неутомимые болтушки продолжали щебетать какую-то ерунду о моде и погоде.

– Так, господа! – тон Вадима Макарова был небрежным и снисходительным. – Мы с вами присутствуем на историческом событии для моего сына, о чем, надеюсь, вы все в курсе. Я хочу пожелать молодым не повторять ошибок, которые были свойственны нашему поколению.

Асташевский в этот момент узрел недовольный взгляд, обращенный на Вадима его женой, худощавой, слегка нервной женщиной лет тридцати пяти.

– Вы должны не идти по жизни, а бежать! При этом умудрившись не сломать голову. Жизнь сейчас динамичная, поэтому для ускорения я вручаю тебе, Антон, ключи. Вот они.

Вадим достал широким жестом ключи из кармана и небрежно бросил их через стол молодым. Они едва не угодили в салат, лишь звякнув о край вазы.

– От чего ключи? – спросил он, отвечая на вопросы, которые сразу же посыпались с различных сторон. – От машины.

– От новой модели «Москвича»? – послышался ехидный вопрос Фунина.

– Нет, – ответил Вадим, не поворачивая головы. – Всего лишь от «Фольксвагена».

– Спасибо, папа! – прозвучал бодрый голос жениха, причем непонятно было, искренне ли он это говорит или втайне посмеивается над помпезностью, с которой выступил отец.

– Пожалуйста, – в тон ему ответил Макаров-старший. – Ничего не стоит, десять штук баксов.

– Завтра переведу на счет, – продолжая улыбаться, ответил сын.

Жена Вадима Макарова, будучи не совсем в восторге от шуток захмелевшего владельца радиостанции, одернула его за рукав. Макаров лениво повернулся и выдернул руку. Потом обвел всех присутствующих взглядом и тихо, но внятно произнес:

– Горько.

Это восклицание тут же породило шумные отклики со всех сторон и на разные лады. Внес свою лепту и Асташевский тоненьким тенорком. Больше всех радовался Фунин. Он первым подхватил призыв Вадима Макарова и теперь восторженно орал: «Горько! Горько!» – до тех пор, пока не вспомнил, чему предшествует этот тост. После этого он быстренько замолчал, опрокинул рюмку и, закусив куском ветчины, принялся расхаживать вокруг стола, выискивая, с кем бы еще поболтать. Елена Асташевская, к этому времени уже утомленная общением с ним, потихоньку улизнула и вернулась на свое место.

Фунин попробовал было присоединиться к группе молодежи, столпившейся у прохода в соседний танцевальный зал, но не нашел там взаимопонимания. Тогда он послонялся по залу, не зная, куда прилепиться, налил себе водки, в одиночестве выпил и в конце концов, пошарив глазами, подсел к Асташевским. Он взял за руку Стаса и принялся что-то ему бурно объяснять. Асташевский из вежливости кивал, хотя дикция Бориса Сергеевича здорово страдала от лишних граммов алкоголя. А сам Стас при этом страдал оттого, что рука, за которую держал его Фунин, была правой и, следовательно, он не мог продолжать трапезу.

– Вы чего здесь расселись? – грубовато спросил Вадим Макаров, хлопая обоих по плечам. – Надо в народ идти, к молодежи, питаться, так сказать, энергией. Да и вообще перекурить все это дело, – он снова поднял руку в своем излюбленном небрежном жесте, обращенном уже в сторону молодых. – Пошли, потусуемся с продвинутой молодежью!

– Да они все какие-то замкнутые, – посетовал Фунин.

– Зато ты очень разомкнутый, – ядовито прошипела Тамара, проходя мимо и увлекая за собой какого-то представительного молодого человека, одного из гостей, в вестибюль.

Свадьба происходила в одном из лучших ресторанов Тарасова, назывался он «Волга» и располагался на пешеходной центральной улице. Банкет происходил на втором этаже, третий занимало немецкое консульство. Что, впрочем, не мешало действию совершенно – консульство по причине выходных дней было закрыто.

В уголке зала, на небольшой сцене, толпились музыканты, ждавшие, чтобы заиграть очередную забойную мелодию. Гости постарше в основном сидели на своих местах и разговари-

вали между собой кто о чем. Со стороны невесты публика была несколько попроще – в основном средний класс и какие-то несовременные бабульки-родственницы. Со стороны жениха все было более мажорно – положение отца обязывало.

Молодежь, впрочем, не очень социально различалась. Или делала вид, потому что была уже в изрядно подвыпившем состоянии.

– Ты по Яндекс, что ли, искал? Ну и что, не нашел? Странно.

– Да задолбал меня этот чат. Не впирает. Я сейчас дома сижу, в игрушки режусь.

– Слушай, я уже не трезвый, ты мне завтра по «мылу» пришли этот прогон, я посмотрю. А сейчас все равно ничего сказать тебе не могу.

Такие диалоги в основном можно было услышать со стороны молодого поколения мужского пола. Парни наперебой сыпали компьютерным сленгом. Создавалось впечатление, что они живут в основном в виртуальном мире клавиатур, «мышей», чатов и сайтов. Девушки вели более насущные разговоры.

– Ну, а он вообще ничего... И машина у него теперь.

– Ой, машина! Нашла тоже! Скажи еще – дача!

– А что? И квартира. Ну, и так... вообще... Юлька молодец, не теряется.

– Да чего там молодец, можно было и покруче найти!

– С ее-то фэйсом? Люд, не смейся меня!

В вестибюль вывалилось трое мужчин. Вальяжно переваливающийся с боку на бок отец жениха, неуклюже семенящий за ним Асташевский и непринужденно размахивающий сигаретой Фунин.

– Вон она, молодежь! – закричал он, указывая на группу разговаривавших между собой компьютерных мальчиков и озабоченных своими проблемами девочек.

– Ну вот и пойдем тусоваться, – подтолкнул его вперед Вадим.

– А я уже тусовался. Они какие-то не того...

– Чего – не того? – удивился Вадим.

– Да как-то... мальчики отдельно, девочки отдельно... Никакой гармонии, понимаешь.

– А ты пойд и гармонизируй, – выдавил из себя Асташевский.

– Я тебе погармонизирую! – неожиданно раздался резкий голос супруги Фунина.

Бросив на нее взгляд, Фунин тут же как бы в пику приосанился и, подбадриваемый Макаровым и Асташевским, пошел к молодежи.

– А мы вот вам тут дедушку привели, – прокомментировал с улыбкой Вадим, обращаясь к парням. – Просветите его на предмет компьютерной грамотности.

– Я сам кого угодно просвещу! Если хотите знать, я привез в Тарасов первый компьютер! Так что лучше меня специалиста в городе не найти! – хвастливо заявил Фунин.

– А в чем вы еще специалист? – с некоторой усмешкой обратился к Фунину один из парней.

– Я? Да во всем! – не вдаваясь в подробности и не раздумывая, ответил тот, усаживаясь на стоявший в вестибюле диван, около которого и стояли, собственно, компьютерщики. – А я смотрю, вы защитные экраны не применяете, – продолжал он поучающим тоном.

– Это еще почему? – удивился один из компании.

– Потому что на девчонок внимания не обращаете! – победно заявил Фунин.

– И где связь?

– Ни фиги себе! Компьютерщики не знают об этом? Стыдно! Ведь достаточно полгода посидеть перед монитором – и все! Полное отсутствие полового влечения. А вы что, не знали, что ли? А дальше еще хуже будет. Вообще упадет! А девчонки вон какие хорошие стоят! Как вас зовут, девчонки? – обратился он сразу ко всем и, не дожидаясь ответа, выпалил: – А вот та средняя в меня влюбилась! Ха-ха-ха-ха!

Фунин не слышал, как Макаров с усмешкой сказал Асташевскому: «Вообще-то я не думал, что он так ссинячился».

Асташевский грустно покачал головой, соглашаясь с приятелем. Тем временем девушка, к которой была обращена последняя реплика Фунина, внимательно оглядела его, видимо, оценила и презрительно бросила:

– С чего это вы взяли?

– А, не влюбилась? – нимало не смутился Фунин. – Ну так правильно, тебе мама не разрешает влюбляться пока еще. Ха-ха-ха!

Тут к компании подошли молодые. И все забыли про Фунина, который в одиночестве остался сидеть на диване, и забросали жениха с невестой вопросами.

– Ну что, пообщался? – снисходительно спросил Макаров, который по очереди с Асташевским уже успел посетить туалет.

– Отлично пообщался! – бодро ответил Фунин. – Мне кажется, пора водки выпить. А то с этой молодежью можно впасть в чудовищную скуку.

– Да мне кажется, тебе довольно, – с подозрением отозвался Макаров, окинув фигуру Фунина внимательным взглядом.

– Водки действительно, наверное, довольно, – осторожно вмешался Асташевский. – А вот перекусить не мешало бы... Немного.

– Кому вы будете указывать, мальчи-ки? – оттопырив нижнюю губу и посмотрев на Макарова с Асташевским как на лютых врагов, спросил Фунин.

– Это кто тут мальчик? – нахмурился Макаров, который уже с трудом переваривал юмор старого приятеля.

– Ты забыл еще, когда до своего вонючего радио работал у меня в риэлторской конторе на побегушках? – выдохнул ему прямо в лицо Фунин.

Лицо Макарова перекосила гневная гримаса. Асташевский захлопал глазами, взял Макарова за рукав и увлек за собой. Отойдя на несколько метров от Фунина, шепелявя и сюсюкая от волнения, он затараторил:

– Вадик, да его просто переклинило, так сказать... Ничего страшного, просто давай пойдём действительно выпьем, закусим... И нужно найти Тамару, чтобы она его успокоила. Думаю, они скоро отправятся домой. У него бывают такие заскоки, вернее, с определенного времени... Просто ты, может быть, не знаешь, не так часто общался...

– Ну правильно! – услышав последнюю фразу и расценив ее по-своему, вклинился снова подошедший к ним Борис Сергеевич. – Чего ему общаться? Он со всеми нами общается посредством радиоэфира... И поддерживает на выборах, между прочим, плохих людей!

Фунин, насколько ему позволяла дикция, отчеканил последние слова и поднял вверх указательный палец. А выражение лица Вадима Макарова стало совсем злым.

– Слушай, ты на кого пискнул, чувак? – тихо спросил он у Фунина.

– Мальчик, иди и не выпячивайся! – не остался в долгу Борис Сергеевич.

– Так, ну мне, короче, это все уже... – Макаров сжал кулаки.

– Вадик, да оставь его в покое! Боря, ну ты что, с ума сошел, что ли, свадьбу человеку портить! – дипломатичный Асташевский неуклюже крутился между двумя приятелями, пытаясь их примирить.

Фунин, впрочем, был настроен по-боевому и был, похоже, не против поскандальить. Однако Макаров, посмотрев вокруг и поняв, что Фунин привлек всеобщее внимание, счел за благо не будоражить общественность и не раздувать конфликт. Он подумал, что покамест разумнее будет удалиться, имея в виду, что через пять минут служба безопасности тихо-мирно выведет Фунина из помещения и без его, макаровского, вмешательства. По крайней мере, у этих ребят все получится более профессионально.

Вадим направился к банкетному залу, не слушая, что говорит в оправдание Фунина Асташевский. Дойдя до своего места, Макаров еще раз покачал головой и сказал:

– Да... Представляешь, Стас, он стал синяком за один год. А ведь подавал такие надежды. В общем, грустно все это... Грустно.

– Все тленно, все тленно, – разводя руками, завздыхал Асташевский, накладывая себе горку салата. – А я вот слышал, что Женька Котов пить бросил. Наоборот, так сказать, возрождается.

– Да? – недоверчиво покосился на него Макаров. – Надо же!

– Вот так, – пережевывая салат, кивнул Стас.

– Ну что ж, флаг в руки ему, барабан на шею, – скептически хмыкнул Макаров. – Ну, а мы с тобой пока еще не синие, так что можем выпить. Давай, за чувство меры!

Они с Асташевским чокнулись и выпили. Тут к Вадиму подошла его жена и, склонившись, что-то тихонько шепнула ему на ухо. Вадим поднялся и последовал за ней. Скандальный Фунин был забыт, и Макаров не стал подходить к охранникам с просьбой удалить перепившего приятеля со свадьбы.

А торжество тем временем вступило в ту фазу, когда общее собрание разбилось на несколько практически независимых тусовок, которые сосредоточились в разных уголках как банкетного зала, так и небольшого вестибюля.

Музыканты покинули сцену и тоже разбрелись кто куда. Даже приглашенный тамада, найдя какую-то отзывчивую даму, в чем-то горячо ее убеждал. Дама залиvisto хохотала и была довольна проявленным к ней вниманием.

Оставшись один, Асташевский почувствовал некую скуку. Он уже набил свое и без того здоровое пузо, ощутил приятное опьянение, и ему захотелось развлечений. Несмотря на то что свадьба как раз эти развлечения и предполагала, сейчас наступил тот момент, когда лично Асташевский для себя ничего веселого не находил. Для молодежной тусовки он был, мягко говоря, староват, а сообщество близких себе по возрасту людей как-то не складывалось. Макаровы общались с какими-то родственниками, жена Елена уединилась с Тамарой Фуниной в дальнем углу и увлеченно о чем-то разговаривала, а сам Фунин не являл собой достойную для Асташевского кандидатуру в плане общения. Волей-неволей Стас начал крутить головой по сторонам и наблюдать за тем, что делают другие.

Вот, например, двое молодых людей устроили шуточный борцовский поединок. Какой-то древний дед сосредоточенно жевал салат, а его супруга, благообразная старушка, с неопределенной улыбкой оглядывала помещение и людей.

Вдруг на пороге банкетного зала с визгом рухнула на пол девица с красной лентой, нацепленной поверх платья. Вокруг сразу же заахали и заголосили ее подружки и друзья.

– Люда, Люда, как же так!

– Ой, господи, да поднимите же ее!

– Люда, тебе присесть нужно!

– Ты чего, Людка, резко зрение потеряла?!

Двое парней подхватывали девушку под руки, пытаясь поднять, но она, тихонько постанывая, продолжала сидеть и потирать ушибленное колено. Тут от группы музыкантов отделился высокий молодой мужчина кавказской наружности и решительно прошагал к образовавшейся толпе. Он легко прошел через нее и быстро, одним движением поднял свидетельницу на руки, пронес до стола и усадил на стул. Подружки ахнули, а потом восхищенно зааплодировали. Они быстренько припорхнули к столу, обступили Люду и музыканта, после чего вновь посыпались их реплики:

– Люда, тебе уже не больно?

– Ой, я так испугалась!

– А вы всегда такой сильный и уверенный в себе?

– Георгий у нас истинный джентльмен, – постным голосом сообщил упавшей девушке какой-то длинный молодой человек в очках, которого Асташевский недавно видел на сцене.

Кавказец молча улыбался, не отходя от стула, на котором сидела пострадавшая. Молодые жители виртуальной реальности мужского пола покривили губами, поняли, что их присутствие необязательно, и, обменявшись взглядами, скрылись в вестибюле.

Стас Асташевский почему-то почувствовал себя неудобно, можно сказать, лишним на этом празднике жизни, и решил еще раз выйти в вестибюль в надежде отыскать кого-нибудь для общения.

Однако, едва войдя в вестибюль, он хотел было сразу же повернуть обратно, поскольку взгляд его тут же натолкнулся на совсем уже пьяную, ухмыляющуюся физиономию Фунина, который развалился на мягком диване, помахивая левой ногой. Но следом Стас отметил, что Фунин о чем-то разглагольствует с важным видом. Асташевский перевел взгляд на его собеседника. Им оказался незнакомый ему парень лет двадцати восьми, невысокого роста, крепко сбитый, с круглым, красным лицом. Он слушал Фунина не перебивая, из чего Асташевский заключил, что Борис познакомился с ним совсем недавно. Потому что всерьез слушать чушь, которую он нес, мог только человек, плохо знавший Фунина. А бывший риэлтор тем временем не обратил на Асташевского никакого внимания, чему тот в немалой степени порадовался. Его же краснолицый собеседник просто кивал в такт этой чуши и ничего не говорил в ответ.

Асташевский бочком проследовал к балкону и с удовольствием закурил сигарету, облокотившись на перила. Сентябрьский воздух был свеж, чист и отдавал некоторой грустью, так свойственной осени. Асташевский, будучи лириком по натуре, печально почмокал губами, подумав о том, что вот закончилось еще одно лето в его жизни и жизни всего человечества, что он сам стал старше еще на год, что вот так будет всегда, до бесконечности. Будут опадать листья, идти дождь, снег, затем природа вновь станет возрождаться и вспыхнет спелыми красками, только его самого, Стаса Асташевского, на свете уже не будет...

В горле аптекаря застрял комок, ему стало невыразимо жаль себя. Он задумался над тем, что же сделать, чтобы жизнь, раз уж ее не суждено продлить до бесконечности, хотя бы была максимально наполненной. Он даже отбросил сигарету. Но тут сзади послышался шум. Асташевский обернулся: на балкон входил Фунин в сопровождении своего новообретенного собеседника. На пороге Борис Сергеевич споткнулся, захлебнулся на полуслове и едва не упал, но спутник поддержал его.

У Асташевского вдруг вызвало крайнее раздражение поведение Фунина, помешавшего ему в такой момент философских размышлений, когда хотелось побыть одному: стало просто противно смотреть на эту пьяную физиономию, которая, если с ней сейчас поделиться своими мыслями и чувствами, будет только осоловело хлопать глазами.

И Асташевский решил вернуться в зал.

«Да, – подумал он. – Если уж наполнять жизнь, то прямо сейчас! Нечего отстраняться от праздника».

И наполнение жизни он начал с наполнения своего желудка. За столом уже мало кто отдавал дань трапезе, в основном гости или разговаривали, или вообще покинули пределы банкетного зала, переместившись кто в вестибюль, кто на балкон, кто в танцевальный зал. Асташевского, однако, это не смущало. Он решил поосновательнее подкрепиться, а затем уже примкнуть к какой-нибудь компании веселящихся.

– А вот и мы! – раздался над его ухом веселый и уже довольно пьяненький голос жены, которая вместе с Тамарой Фуниной плюхнулась рядом с ним, закатываясь заливистым смешком. – Стасик, ты что такой скучный? Пойдем, пойдем, потанцуем!

И они обе, подхватив робко сопротивляющегося Асташевского, потащили его к танцевальному залу. Там собралась целая толпа народа, уже не обращающая внимания на различия в возрасте и социальном положении. Все отплясывали на разные лады, в центре извива-

лась уже пришедшая в себя свидетельница, к ней неожиданно присоединился тамада, который тоже уже успел хорошо хватить водки. Асташевский, не являвшийся поклонником танцев, особенно быстрых, тем не менее, подбадриваемый подталкиваниями и репликами жены и Тамары, тоже вступил в круг. На середину вышла дородная, полная женщина лет пятидесяти – кажется, какая-то тетка со стороны невесты. Она принялась лихо выписывать кренделя, поднимая подол пышной юбки. Молодежи явно пришлось по вкусу столь яркое зрелище, некоторые даже прекратили двигаться и с усмешкой наблюдали за теткой. А та, нимало не смущаясь, повела грудным голосом какую-то мелодию, совершенно не соответствующую той, что лилась из колонок, и двинулась по кругу.

Все слилось в общем шуме и гаме, Асташевский видел мелькающие вокруг раскрасневшиеся лица и под влиянием этого зрелища сам впал наконец в состояние беспечного веселья. К танцующим присоединились и музыканты, и даже Вадим Макаров, снисходительно улыбаясь, совершал ногами небрежные движения.

Асташевский покрутил головой, выискивая Фунина, который по всем законам психологии должен был сейчас находиться в эпицентре событий, однако его не было видно. Стас решил, что тот наконец утомился собственной бесконечной трепотней и просто прикорнул где-нибудь в углу.

Те, кто подустал, выходили на балкон или в туалет освежиться, а затем возвращались к танцующим. Асташевский, чье стадвадцатикилограммовое тело не выдерживало такого быстрого темпа, начал задыхаться. Он с виноватой улыбкой посмотрел на свою жену и, просюсюкав: «Леночка, я на минуточку, хорошо?» – и получив от нее небрежный кивок, поспешил, отдуваясь, на балкон. Там он простоял минуты три, пока не услышал, что обстановка в помещении изменилась: там по-прежнему было шумно, но это был совершенно иной шум.

Асташевский выглянул в зал и увидел, что танцы прекратились, а все, кто принимал в них участие, беспорядочно толпятся в зале, растерянно переглядываясь. Несколько испугавшись, Стас поспешил вернуться. В центре собравшейся толпы выделялась высокая фигура Вадима Макарова. Лицо владельца радиостанции было бледным. Асташевский даже не мог вспомнить, когда видел его в последний раз таким взволнованным. Возле него с непонимающим видом стоял его сын Антон, машинально поглаживая руку своей невесты, которая расширившимися глазами смотрела на обоих мужчин. Кроме них, в центре находился еще и Фунин. Он выглядел каким-то потрепанным, взъерошенным и в растерянности крутил головой. Брюки его снизу были замызганы какой-то грязью, в волосах застряла шелуха от семечек. Стас подивился еще больше. Вадим при этом о чем-то разговаривал с тамадой. Стас подошел поближе.

– ... В общем, я вошел туда, смотрю – человек возле окна лежит, спит... Ну, я его попробовал растолкать, а он ни в какую. Ну, я рукой махнул – пусть, думаю, раз ему так нравится, отлежится. Хотел еще позвать кого-нибудь, чтобы помогли его на балкон перетащить. А сам пошел в свободную кабинку... Ну, встал и вдруг смотрю – на полу струйка крови... Из соседней кабинки вытекает. Я вышел, дверцу дернул – заперто изнутри. Крикнул – не отвечает никто. Я подумал, может, плохо человеку стало. Прошел снова в свою кабинку, встал на унитаз... Перегнулся, смотрю – он на полу лежит. Вот... Скрючился весь. И рубашка в крови. Я понял, что мертвый уже и сразу... Сразу к тому кинулся, что у окна, тормошить его начал. Еле-еле растолкал, он глазами хлопает, не понимает ничего. Кое-как ему объяснил, в чем дело, потащил за собой. Вот... А дальше – к вам сразу...

– Понятно, – хмуро кивнул Макаров и перевел взгляд на Фунина.

Борис Сергеевич открыл рот и снова его закрыл. Потом почти умоляюще посмотрел на Макарова и заговорил. Он еще не совсем протрезвел, и язык его слушался плохо. К тому же от волнения Фунин слегка заикался.

– Вадим, да т-ты ч-что? Я... Я... Я заснул просто, я устал просто сильно! Я тебе говорю, я даже и не слышал ничего, знать не знаю!

Макаров, вполуха слушая его, повернулся к тамаде и произнес:

- Нужно пойти посмотреть, может, он жив еще.
- Да какое там жив! – махнул рукой тамада. – Я видел, у него зрачки закатились.
- Все равно, нужно посмотреть, – бросил Вадим и двинулся по коридору.

Тамада, опасливо поежившись, двинулся за ним, а следом еще несколько человек. Стас, уже понявший, что случилось нечто, совсем невеселое, осторожно подошел к жене и тронул ее за плечо. Елена быстро повернулась, закатила глаза и, схватив мужа за руку, зашептала:

- Человек в мужском туалете лежит, мертвый!
- Какой человек? – только и спросил Асташевский.
- Я же говорю, мертвый! – Елена, по ее мнению, дала исчерпывающий ответ.
- А кто он? – тоже шепотом продолжал допытываться Стас.
- Не знаю! Кажется, кто-то из молодежи! Тамада пошел в туалет и на него наткнулся. А Борис там валялся в это время, представляешь?

Асташевский только покачал головой. А Макаров-старший, мрачнее тучи, резко рванулся в сторону туалета. Спустя минуту он стал еще мрачнее, когда всматривался в мертвое тело.

Молодой человек, можно сказать, сидел на унитазе. Но голова его склонилась направо и опиралась на перегородку между туалетными кабинками. Горло его было все в крови, глаза безжизненно таранились на смотревших на него людей.

– Зарезали, – коротко прокомментировал ситуацию Макаров и, повернувшись, тяжелым взглядом посмотрел на стоявшего рядом с ним отца невесты.

– Далось же вам это слово! – поиграв желваками, сказал он, отводя взгляд от убитого.

– Кто он такой? – продолжил мрачно вопрошать Макаров. – Я его не знаю. Кто он? Ты его знаешь, Юрий Алексеевич?

Отец невесты покачал головой.

– Кто же он тогда? Какого черта он здесь вообще делал?

Ответа не последовало.

– Вера, Вера! – позвал отец невесты свою жену. – Иди сюда, посмотри, кто это такой? Только не пугайся, он мертвый.

Сквозь толпу протиснулась женщина средних лет с короткой стрижкой и, приложив пальцы к губам, всмотрелась в мертвое лицо.

– Нет, я не знаю. Кто это, Юра? – повернулась она к супругу.

– Да я откуда знаю? – сразу вспыхнул Карелин-старший. – Я думал, это из твоих... Поэтому и позвал. Что ты меня спрашиваешь?

– Да я не знаю, это не из моих, – растерянно ответила Вера. – Господи, да у нас не было никогда таких. Лицо какое-то... Как у свиньи, прости господи!

Вадим Макаров протяжно вздохнул и вышел в коридор. Остальные гости тут же расступились перед ним.

– Антон! – закричал он. – Иди смотри, твоего приятеля зарезали?

– Что? Кого зарезали?

Антон Макаров, сжимая в своих руках ладони невесты, у которой тут же при словах свекра вытянулось лицо, растерянно смотрел на отца.

– Так, иди и разбирайся. Говорил тебе, что список приглашенных нужно утверждать нам с матерью! Наприглашали черт знает кого, а теперь его грохнули.

– Слушай, Вадик, если ты думаешь, что это я... – тут же мелко заюлил перед ним Фунин.

Но Макаров только раздраженно махнул на него рукой.

– Вадик, надо, наверное, ментов звать, – только и смогла проговорить его жена, которая все это время проговорила с Тамарой Фуниной и только что подоспела к месту событий.

– Надо, – четко проговорил Вадим и, посмотрев на жену так, будто это она была виновата в неожиданном преступлении, случившемся на свадьбе, вытащил из кармана мобильник. – Алло, милиция? Записывайте адрес... Убийство. Ресторан «Волга». Ждем...

Отключив связь, Макаров повертел мобильник в руках. Потом размахнулся так, как будто хотел запулить телефон в стену, но... вдруг раздумал и засунул его обратно в карман.

– Ну, в общем... Погуляли, ребята... Выдали сына замуж, е... твою мать, бл...!

Произнеся эту сакраментальную матерную тираду, он прошел в банкетный зал, налил себе полный бокал водки и тут же выпил.

Стас Асташевский неожиданно почувствовал, что в этот момент нужно как-то поддержать Вадима, поэтому поспешил к нему.

– Вадик, да ты успокойся, так сказать... В конце концов, это же не тебя грохнули и не жениха с невестой... То есть я хотел сказать, что это вообще черт знает кого, так сказать, грохнули, мы даже и не знаем кого. Бог его знает вообще, откуда он здесь взялся. А может, он вообще левый какой-нибудь?

– Что значит – левый? – недовольно спросил Макаров. – Вообще-то я эту рожу наблюдал за столом уже три часа. Он сидел, по-моему, вон там, – и Вадим показал на край стола. – У него внешность уж очень запоминающаяся. Действительно, на поросенка похож. Как колобок какой-то! Я не пойму, откуда он взялся? Никто не знает, никто его не приглашал... Антон! – крикнул он, заметив, что сын вместе с невестой появился в дверном проеме. – Иди сюда!

Антон подошел к отцу.

– Ну что? Видел?

– Видел. Откровенно говоря, чуть не блеванул, – признался жених. – Но я его не знаю. А ты? – обратился он к невесте.

Та замотала головой.

– Ну в общем так, ребята, – вяло махнул рукой Макаров. – Сейчас менты приедут, вы быстренько показания дадите – и шагом марш отсюда... Вернее, на машине, конечно, поедете, – поправился он. – Домой!

– А может быть, – осторожно высказал свою версию Асташевский, – это кто-то из персонала? Или из этих... музыкантов?

– Нет-нет, точно не из музыкантов, – сказала Юля. – Их всего четверо было, и вон они все стоят.

Она показала на группу куривших молодых людей около лестницы.

– Нужно, так сказать, с кем-то из администрации поговорить, – разводя руками, предложил Асташевский. – Они же должны быть в курсе того, что произошло.

– Я думаю, они уже в курсе, – мрачно проговорил Вадим Макаров, указывая на решительно приближающуюся к ним женщину лет сорока пяти, дородную крашеную блондинку в строгом костюме ярко-бордового цвета, с губами в тон костюму.

Она подошла к Макарову со товарищи и, строго сдвинув брови, спросила:

– Что здесь произошло?

– Труп в туалете, – коротко ответил Макаров.

– Это я уже поняла, – повышая голос, сказала женщина. – И можете мне поверить, это вам даром не пройдет! Безобразие! Вести себя не умеете! Устроили пьянку – и вот, посмотрите, чем все закончилось!

– Ну, вы на нас напраслину не возводите, – нахмурился Макаров. – Мы вообще этого человека не знаем. Кстати, хотели у вас выяснить, не ваш ли это сотрудник?

– Нет, – отчеканила женщина. – У нас таких нет. Так что это кто-то из ваших. И не пытайтесь теперь вину перекладывать на чужую голову!

Макаров устало вздохнул и своим излюбленным снисходительным взглядом окинул женщину с головы до ног.

– Сейчас приедет милиция, – равнодушным голосом проговорил он. – Тогда и будем разбираться. А устраивать разборки раньше времени я не вижу смысла.

– Разберемся, разберемся, – многообещающе кивнула женщина. – Не беспокойтесь! Наприглашали в ресторан бог знает кого! Головорезы!

И она, продолжая что-то сердито говорить самой себе, пошла прочь. Асташевский тяжело вздохнул.

– Да, эта дамочка еще помотает нервы... – сказал он.

– Да пошла она! – махнул рукой Макаров. – Что она может сделать? Сейчас показания дадим – и все! До свидания!

– Я опасаюсь, – продолжал Асташевский, – что этим дело не ограничится. Если сразу убийцу не поймают, то могут потом затаскать по кабинетам. Подписку еще возьмут о невыезде...

– Что? – Макаров поднял брови. – С нас, что ли? Со всех?

– Ну, я, так сказать, не знаю, – тут же пожал плечами Асташевский. – Просто так принято, кажется... Не знаю, с кого именно, просто предположил, что с тебя и, наверное, с жениха с невестой.

– Да у них через три дня самолет! – вскипел Макаров.

– Ну, не знаю, не знаю! – уже жалея о собственных словах, засуетился Асташевский, прижимая ладони к груди.

Тут появился Фунин. Как ни в чем не бывало он подошел к собравшимся и дружески хлопнул Макарова по плечу.

– Вадик, ты что, расстроился, что ли? – беспечно спросил он. – Да брось! Ты его знал?

Макаров не удостоил Фунина ответа, и тот переключился на Асташевского. И тут Стас вспомнил, что именно Фунин разговаривал с этим самым парнем, найденным в туалете. И было это незадолго до его смерти.

– Борь, а ты его, по-моему, знал, – подняв толстый палец, заметил Асташевский.

– Я знал? – изумленно воскликнул Фунин. – Да я его первый раз увидел.

Вадим Макаров, нахмурившись, повернулся к Фунину, явно заинтересовавшись.

– Когда увидел? – недружелюбно уточнил он.

– Сегодня! – недоумевающе поведя плечами, ответил Фунин. – Он сказал, что его Олег зовут, и что он этот... как его... Забыл, короче! Да какая разница! Он говорил, что буддизмом увлекается. Я ему начал говорить, что, мол, нет здесь нормальных людей на свадьбе, с кем можно пообщаться, ну а он мне – не бери в голову, помедитируй лучше.

– Вот ты и помедитировал, – гневно заметила подошедшая Тамара. – В туалете на полу! Слушай, я так подумала... Хорошо, что мы с тобой официально в разводе и что квартира на меня записана. А то ты на днях в тюрьму сядешь, слава богу...

– Да пошла ты на х..! – заорал Фунин. – Я что, виноват, что ли, что заснул во время этой медитации?!

– Угу, а в это время человека убили, – кивнула Тамара.

– Стоп, – вмешался Макаров. – Ты как вообще там оказался и с кем?

Фунин не успел ответить, как двери распахнулись, и помещение заполнили люди в милицейской форме и штатском. Макаров тут же пошел навстречу. Он понимал, что главная тяжесть в общении с органами ляжет на него. Потому что свадьбу в основном организовывал он, и львиная доля приглашенных была также с его стороны. Сторона невесты, конечно, тоже участвовала, но папа Карелин все же по социальному статусу был ниже. Да и вообще Вадим предпочитал сам контролировать ситуацию.

Он вкратце описал ситуацию, после чего следователь, выслушавший его, кивнул и спросил:

– А где этот самый Фунин?

Макаров показал в глубь помещения, где Борис Сергеевич о чем-то яростно спорил со своей супругой. Следователь двинулся туда. Вадим видел, как он тронул Фунина за плечо, тот обернулся, оборвав на полуслове какую-то фразу, растерянно ткнул себя в грудь, переспрашивая, его ли действительно хотят видеть, а затем послушно двинулся за следователем, уже на ходу принимаясь рассказывать.

Несколько человек из прибывших сразу же прошли на место происшествия, гостей предупредили, чтобы не расходились, и потихоньку начали опрашивать всех по очереди. Макаров, воспользовавшись тем, что пока его оставили в покое, быстро направился к Асташевскому.

– Слушай, Стас, ты тут про Женьку Котова недавно вспоминал, – скороговоркой проговорил он. – У него жена, кажется, одно время частным сыском увлекалась...

– Ларочка? Ну да, – кивнул Асташевский.

– А что, она по-прежнему этим занимается?

– Ну, я, так сказать, не знаю, – заерзал Асташевский. – Вроде занималась до последнего времени. Но Женек вообще-то против этого был, кажется, они ссорились даже на эту тему... Так что я даже не могу тебе сказать определенно...

– Нужно ему позвонить, – не слушая, перебил Макаров. – Срочно. Давай номер! – решительно проговорил он, доставая мобильник.

– Но погоди, – Асташевский остановил Макарова. – Ты что, ночь же на дворе! Нельзя же все-таки людей так вот... грубо беспокоить. Лучше завтра утром, так сказать, на свежую голову...

– Какая ночь, только одиннадцать! – кинув взгляд на часы, перебил его Макаров. – Давай номер, давай!

Тон его был непреклонен. Асташевский глубоко вздохнул и взял у Вадима из рук мобильник. Через полминуты он услышал женский голос...

* * *

Это был один из спокойных семейных вечеров. Котовы поужинали втроем – Евгений, Лариса и Настя, – после чего отправились на отдых. Был тот редкий случай, когда вся семья вечером собралась в гостиной. Настя и Евгений, сидя в креслах, смотрели какой-то фильм, а Лариса, устроившись на диване, листала купленный сегодня «Космополитен». Ее привлекла статья о реконструкции домашнего жилища, и она, разглядывая фотографии, размышляла, а не поменять ли им что-нибудь в их квартире. Просто для разнообразия.

В перерыве на рекламу Евгений подошел к жене и заглянул через плечо. Он без особого интереса скользнул глазами по фотографиям и спросил:

– Что это тебя так увлекло?

– Да вот думаю, может быть, и нам устроить нечто подобное? – она ткнула в один из снимков наиболее понравившейся ей квартиры.

– Зачем? – пожал плечами Котов. – Разве у нас плохо?

– Да вовсе нет, просто захотелось какой-нибудь новизны.

– Ну знаешь, для этого достаточно просто куда-то прокатиться, – хмыкнул Евгений. – А переделывать трехуровневую квартиру – ты представляешь, какой это геморрой?! Здесь же уже все было продумано, когда строилось. Проще уж ее продать и купить что-то новое, но я не вижу смысла.

– Да ладно, я же не собираюсь заниматься этим завтра, – махнула рукой Лариса. – Просто так помечтала...

– Помечтай, помечтай, – посмеиваясь, похлопал ее по плечу Евгений. – Ресторан ты уже хотела перестроить, и что? Сама же потом передумала.

– Ну и сейчас, может быть, передумаю, – захлопывая журнал и откладывая его подальше, улыбнулась Лариса. – Но все равно приятно иногда вот так помечтать.

Реклама закончилась, и Евгений вернулся к экрану, бросив Ларисе:

– Пойдем лучше кино смотреть.

Лариса уже хотела было присоединиться к домочадцам, как возле нее на диване запищал мобильник. Взяв трубку, она услышала голос Стаса Асташевского, который звучал предельно вежливо, но при этом еще и виновато, отчего Стас говорил быстро, вздохнул, но при этом делая паузы между фразами.

– Ларочка, добрый вечер. Как твое здоровье? Слава богу, слава богу... А то, знаешь ли, всегда я милости прошу... Подберем самые лучшие средства, да-да. Гм. А Женя как? Да? Отлично, отлично. Я, собственно, Лара... Э-э-э... Я из ресторана звоню. Тут понимаешь, какая вещь. Э-э-э... Ты Вадика Макарова помнишь?

– Помню, – немного удивившись, ответила Лариса.

– Так вот, у него сын женился... Э-э-э... Сегодня.

– Очень рада.

– Да-да, это замечательно, он тебе передает горячий привет, Лара, и вот еще что... Тут одна неприятность небольшая случилась на свадьбе...

– И что? – Лариса по-прежнему не понимала, к чему клонит Асташевский.

– Да нет, может, и ничего, но Вадим вот обеспокоен очень. Он просит извинения, что пришлось тебя побеспокоить, но...

– Да что случилось? – не выдержала Лариса.

– В общем, тут человека убили, – понизив голос, сообщил Асташевский.

– И что? Вадима подозревают?

– Нет-нет, что ты, что ты! Слава богу, нет! Но все равно, сама понимаешь, такое событие – и вдруг... Милиция уже приехала, сейчас всем задают вопросы, а молодые... Ларочка, ну ты же понимаешь, что такое молодожены! У них, естественно, свои проблемы. И главное, они тут совершенно ни при чем. А ведь их могут задержать, и все такое...

– Так что ты хочешь? – устав от многословия приятеля, спросила Лариса.

– Ларочка, я понимаю, так сказать, твою занятость, но... Э-э-э... Не могла бы ты заняться этим делом? Просто чтобы оно поскорее закончилось? Вот и Вадим тебя очень просит, и я, Лара...

Лариса задумалась. Она не могла сейчас однозначно ответить, пока не узнала подробностей происшедшего. А такие подробности по телефону не обсуждают.

– В общем, давай так, – решительно прервала она Асташевского. – Если милиция вдруг не раскроет дело сразу, то, возможно, я и заинтересуюсь им. В таком случае приезжай ко мне утром домой, желательно вместе с Макаровым, и все расскажете подробно. А пока не вижу надобности в моей помощи. Не по телефону же ты мне будешь все рассказывать. А ехать сейчас на место преступления – это, извини меня, чересчур. Даже для такой динамичной женщины, как я.

– Конечно, конечно, – заторопился Асташевский. – Мы приедем сами, завтра и не с пустыми руками, – отметил он.

– Тогда хорошо бы часов в десять, – сказала Лариса. – Но желаю, чтобы все благополучно обошлось уже сегодня.

Глава 2

– Не обошлось, – грустно развел руками Асташевский, стоя на пороге Ларисиной квартиры.

– Увы, не обошлось, – со вздохом подтвердил и Макаров, стоявший рядом с ним.

– Сколько мы с вами не виделись? – с улыбкой спросила Лариса, приглашая обоих мужчин пройти.

– Года четыре, – припомнил Макаров. – Тогда случилась жуткая история...

– Да, я вас даже подозревала одно время, – еще шире улыбнулась Лариса.

Да, это действительно была жуткая история, пожалуй, одна из самых шокирующих в Ларисиной практике. Она в свое время прогремела на весь город – на одной из пригородных турбаз снимали так называемое «обнаженное кино», а проще говоря, снимали вживую убийства людей. Кроме того, на этой же турбазе действовал цех по переработке человеческого мяса. И даже Лариса вместе со своим мужем Евгением чуть было не были превращены в фарш. И тогда Вадим Макаров казался по ходу расследования Ларисе главным злодеем, но в конце концов выяснилось, что он совершенно ни при чем.

– Я еще помню, что мы с вами ездили к одному не совсем нормальному типу, – припомнила Лариса. – Тот, который бомжей держал на цепи...

– Да, теперь этот тип стал окончательно ненормальным, – мрачно заметил Макаров. – Короче, Фунин бомжей теперь не держит, потому что сам почти бомж. Вообще у них с Тамарой в жизни много перемен. Тамара повзрослела и остервенничала, а Борька просто спился. Кстати, он был на свадьбе. И его-то, между прочим, могут и подозревать. Но я к вам обращаюсь вовсе не для того, чтобы спасти его честное имя, а чтобы избавить свою семью от ненужных проблем.

– Нет, ну ты представляешь, Лара, – вступил Асташевский, усаживаясь в кресло, – какую все-таки свинью подложили молодым! Свадьба вся испорчена, а это ведь память на всю жизнь! Ну сама посудите!

– Ладно, давайте все по порядку, – сказала Лариса, и Макаров, переглянувшись с Асташевским, начал рассказ...

...Все время, в течение которого Макаров говорил, Стас уплетал пирожки, испеченные с вечера Ларисой и приготовленные, в общем-то, для семейного потребления. Однако присутствие большого и доброго Стаса сделало первоначальное их назначение невозможным. Это Лариса поняла уже с самой первой минуты пребывания Асташевского за их кухонным столом. Характерный блеск в глазах, появившийся у Стаса при взгляде на блюдо с выпечкой, не оставлял пирожкам ни единого шанса. Более того, он открыл бутылку вина, принесенную с собой, а также не отказался от ветчины с сыром, выставленных Ларисой вроде бы к вину. Ларисе оставалось только наблюдать за процессом чревоугодия. Огромное тело Асташевского представляло собой бездонную бочку, в которой могло исчезнуть, казалось, какое угодно количество еды.

– Итак, никто не признался в том, что знает этого человека, так? – спросила Лариса, когда Макаров, закончив рассказ, осторожно присоединился к Асташевскому в трапезе.

– Нет, абсолютно никто. Все только разводили руками. И сами молодые, и их друзья, и родственники.

– И даже персонал ресторана, – с трудом разлепляя жующие челюсти, добавил Стас.

– Что ж, это интригует, – сказала Лариса. – И, пожалуй, это решающий момент, который толкает меня на то, чтобы заняться этим делом.

– Да я заплачу, – тут же вступил Макаров.

– Это не главное, – остановила его Лариса. – Хотя и это тоже приятно. Но... за дела, в которых с самого начала многое ясно, я не берусь. Отсутствует загадка, а это неинтересно.

– Ох, женщины, женщины! – вздохнул Асташевский, отдуваясь после обильной трапезы. – В них самих – одна сплошная загадка, и они тоже любят загадки. Ларочка, а можно кофейку сообразить?

– Можно, – усмехнулась Лариса и пошла к кофейнику.

– Кстати, а где Евгений, почему его не видно?

– Он на работе. Я специально попросила вас прийти в десять, а не в девять. А то он бы на радостях отдал дань алкоголю, – Лариса кивнула на бутылку вина. – Не удержался бы, может, даже и на работу не пошел бы...

– Совсем мужа в ежовых рукавицах держишь, – вздохнул Стас.

– А ты что, не помнишь, как он пил? – воскликнула Лариса. – Ты что, хочешь, чтобы было все, как прежде?

Асташевский думал было возразить, потом неуклюже развел руками и пробормотал что-то нечленораздельное.

– Ладно, это к делу не относится, – сказала Лариса. – Вадим, фактура мне ясна. Теперь нужно переходить к персонажам. Желательно как можно подробнее, с именами, адресами, родом занятий.

– Да, огласите весь список, пожалуйста, – со вздохом произнес Асташевский.

Макаров вздохнул и стал загибать пальцы:

– Значит, так. Мы с Сашкой... С женой то есть. Потом, так сказать, сваты, то есть Карелины – Юра и... Вера, по-моему. Он – менеджер по компьютерам, она – врач или кто-то там еще, точно не знаю. Свидетели – друг Антона, Павел, они вместе учатся. Друзья их общие, они все на компьютерах помешаны. Невеста с подружками... Кто такие, это надо спрашивать у Юли, я не в курсе. Родственников целая куча, тети там, дяди... В общем, как обычно. Список могу представить. Потом знакомые. Стас с женой, – Макаров посмотрел на Асташевского. – Борис с женой... Еще одна пара, Кучины их фамилия, Денис и Светлана.

– Да, Светочка, чудная женщина, – вставил Асташевский. – Она за мной отлично ухаживала за столом.

– Кто о чем, а вшивый... – укоризненно взглянул на приятеля Макаров. – Ладно, дальше... А дальше у нас идут музыканты, четыре человека, один из них, кстати, какой-то кавказец. Все! А, ну еще приглашенный тамада из фирмы «От заката до рассвета», зовут его Георгий Чердынцев.

– И единственным человеком, кто вроде бы общался с убитым во время свадьбы, был Фунин?

– Выходит, так.

– А что он сам рассказывает о случившемся?

– Да ничего, – махнул рукой Макаров. – Ничего. Пьяный он был, мало что помнит. Его, кстати, менты вчера увели, я его больше не видел. Надо позвонить.

Вадим вытащил мобильник из кармана.

– Тамара? Привет, это Вадим... Что, где наш герой? Дома? Спит? Ну хорошо... Я перезвоню попозже.

Отключив связь, он коротко сообщил:

– Подписка о невыезде.

– Вот что значит пьянство, – назидательно заметил Асташевский и снова разлил вино.

– Я больше не буду, – отказался Макаров. – Мне вообще на радио надо показаться, дело одно там решить. Я, по-моему, все вам сообщил, что знал, – обратился он к Ларисе.

– Да, спасибо. Я сегодня же начну расследование.

– Спасибо, – поблагодарил Вадим и поднялся с места.

Асташевский в некотором смятении кинул взгляд сначала на бутылку вина, потом на делового Вадима, потом опять на бутылку и, махнув рукой, произнес:

– Ладно, я останусь, еще посижу. А то мы с Ларой давно не виделись.

Макаров чуть усмехнулся, потом поднял руку и помахал ею Асташевскому на прощание.

– Подождите, Вадим, – остановила его Лариса. – Насчет Фунина... Вы все-таки его лучше знаете. Как думаете, мог он быть убийцей?

Асташевский с Макаровым задумались. Стас даже приоткрыл рот, как это бывает с маленькими детьми, когда они чем-то сильно удивлены или озабочены. Наконец владелец радиостанции покачал головой:

– Фунин – потрясающий клоун и раздолбай. В городе другого такого нет. Он уникален в этом смысле, но безобиден. Может наорать, конечно, наехать, что называется, с потолка, без всякой причины, но...

– А по пьянке, Вадик? – возразил Асташевский высоким тенорком. – По пьянке?

– Ну, не знаю, – после некоторого размышления развел руками Макаров. – Думаю, что вряд ли... Хотя я с ним не общался уже года полтора, а увидел вчера на свадьбе и понял, что чувак под горку катится с ускорением свободного падения. Раньше он таким не был. А сейчас с ним вообще невозможно разговаривать, несет вечно какой-то бред, хорохорится непонятно почему. Короче, просто синяк! А я у него действительно когда-то работал, можно сказать, был на побегушках, – улыбнулся Вадим и покачал головой. – В этом он вчера был прав, напомнил мне... Но это было давно, в период дикого накопления капитала. Потом я на радио ушел, а он продолжал синяков из квартир выселять. И в конце концов сам стал таким...

– Значит, по-вашему, не мог? – прервала его воспоминания Лариса.

– Наверное, все же нет, – немного поразмыслив, ответил Вадим.

– Я тоже думаю, что нет, – серьезно поддержал его Стас. – Мотивы! Какие мотивы?

– А вдруг этот ему что-то сказал не так? – возразил Вадим. – А у Фунина башню снесло, он его и замочил, а потом улегся типа спать – мол, я тут ни при чем, пописать зашел...

– В общем, я так поняла, что единого мнения нет, – подытожила Лариса.

– Нет, – улыбнулся Вадим. – Это уже, что называется, ваша епархия, мы здесь умываем руки, мы со Стасом не профессионалы. Ладно, мне действительно пора, а то я провороню важную встречу.

Макаров озабоченно посмотрел на часы, быстренько попрощался и пошел по лестнице вниз.

* * *

– Ну и что ты намерена делать? – вытягивая пухлые губы трубочкой, озабоченно спросил Асташевский, когда Лариса вернулась наверх после того, как проводила Макарова.

– В первую очередь разговаривать с милицией, – задумчиво ответила Лариса. – Попрошу материалы дела, поговорю, узнаю, что им удалось наработать. Мне нужны от них фамилия, имя и адрес убитого. Ну, и, конечно, чем он занимался. Потом подробности о самом убийстве. Ну и, естественно, беседа со свидетелями. Адрес молодоженов у меня есть, придется побеседовать и с ними. Да, я совсем забыла, где живут Фунины!

Асташевский запыхтел и полез в карман рубашки, доставая оттуда блокнот. Он продиктовал Ларисе номер телефона и адрес, которые она тут же записала.

– В общем, начинается обычная работа... – констатировала Лариса, захлопывая блокнот.

В этот момент внизу послышался какой-то шум, а спустя полминуты на лестнице раздались шаги, и на пороге кухни появился Евгений.

– Привет, – удивленно приветствовал он Асташевского. – Это что еще за пьянство в начале рабочего дня?

– Да это... в общем... Так сказать, некоторые проблемы, – смутился Стас.

– Новое расследование, – объявила Лариса мужу.

Евгений несколько секунд стоял как вкопанный, переваривая услышанное, а потом всплеснул руками.

– Это поразительно! – воскликнул он. – Расследование каких-то кровавых преступлений для тебя стало обычной работой?! Вообще-то, Лара, я считал, что твоя обычная работа – это заведовать рестораном! Или для тебя «Чайка» превратилась в хобби?

– Вовсе нет, ты же знаешь, что хобби мое – как раз раскрытие криминальных дел, – возразила Лариса.

– А на деле выглядит по-другому! – не унимался Котов. – Во всяком случае, ты больше времени проводишь в погонях и допросах, чем в своем рабочем кабинете!

– Ты преувеличиваешь, – покачала головой Лариса. – И потом, тебе же прекрасно известно, что из-за моего кратковременного отсутствия ресторан никогда не страдает. Степаныч исправно несет груз своих обязанностей.

Котов поморщился при упоминании Ларисой своего администратора, к которому питал самые что ни на есть неприязненные чувства, и возразил:

– Зато от этого страдает семья! И я сам тоже. Разве не ты постоянно внушала мне, что семья должна быть на первом месте и относиться к ней нужно с огромной ответственностью? Я ведь это осознал, Лара! Ты хотела, чтобы я бросил пить. И я это сделал! Ради семьи!

Подбородок Котова гордо взлетел вверх, взгляд приобрел нескрываемое самодовольство и даже превосходство. Евгений расправил плечи и заходил по пушистому ковру взад-вперед, продолжая сыпать высокими фразами:

– У меня хватило ума, мужества, воли, чтобы это понять и сделать правильные выводы! Я превозмог свое пристрастие и буквально стал другим человеком! Ты сама неоднократно признавала, что наша семья наконец полностью восстановилась и стала просто... просто образцовой. И заметь, мне это стоило огромных усилий, но я смог! И теперь просто счастлив, теперь мне не приходится перебарывать себя, я все делаю искренне и с удовольствием. Для семьи! Для семьи! – для убедительности дважды подчеркнул Котов, поднимая вверх указательный палец.

Он закурил сигарету и продолжил свой монолог. Лариса слушала не перебивая с едва заметной улыбкой.

– А ты сама, своими руками хочешь теперь разрушить то, что создавалось с таким трудом! Ты противоречишь сама себе! И главное, меня удивляет Стас. – Котов резко повернулся к Асташевскому и впери в него обличительный взгляд, как прокурор на обвинительном процессе. – Ты же знаешь, насколько я против всяких авантюр, в которые впутывается моя жена! Ладно, когда ее постоянно дергали просто наши знакомые. Но ты, ты, давний друг семьи, – снова сделал акцент Евгений на слове «друг». – Теперь и ты нарочно ее провоцируешь!

Асташевский, не ожидавший подобных обвинений в свой адрес, растерянно переводил взгляд с Евгения на Ларису. Маленькие глазки его за круглыми очками расширились, он, пытаясь подобрать нужные слова, смешно зачмокал губами и зашевелил пальцами.

– Но... – наконец выдавил он, сглатывая слюну. – Но я просто, так сказать...

– Что – так сказать? – прогремел Котов.

Асташевский обескураженно развел руками, постарался собраться с мыслями и дальше уже в своей обычной манере быстро-быстро засюсюкал:

– Женя, ты неправильно все понял... Ты же знаешь, что я очень уважаю и тебя и Ларочку, я вообще, так сказать, не хочу никаких проблем для вас... И не знал, что это так болезненно отразится на тебе и тем более вашей семье, просто подумал, что Ларочке это будет интересно...

– Не нужно ни в чем обвинять Стаса, – вмешалась Лариса, которой стало жаль бедного Асташевского. Он весь вспотел, постоянно утирал лоб надушенным платком с кружевной оборочкой, надувал губы и ерзал на стуле, не зная, куда себя деть. – Наша семья нисколько от этого не пострадает, это я тебе обещаю. К тому же когда я не занята расследованиями, то все равно в ресторане провожу порой очень много времени. Тем не менее семье это ничем не вредит.

– Одним словом, снимаю с себя всякую ответственность за наше будущее, – проронил Котов, демонстративно не глядя ни на Ларису, ни на Асташевского.

– Одним словом, мне пора идти, – поднялась Лариса с кресла. – Нечего терять время, раньше начну, раньше закончу. Женя, я постараюсь приехать пораньше. Стас, ты идешь?

– Да-да, – Асташевский поспешно поднял свое массивное тело и неуклюже, вперевалочку засеменял за Ларисой, видимо, побаиваясь оставаться в обществе разгневанного Котова, как вдруг тот остановил его:

– Э-э-э... Стас, стой-ка! Тут у меня к тебе возник один небольшой вопрос. Деловой. Ты не мог бы немного задержаться?

Асташевский бросил на Евгения осторожный взгляд, отметил, что тот, кажется, успокоился и, вздохнув, посмотрел на Ларису:

– Извини, Ларочка, я еще немного посижу.

– Хорошо, только бутылку давай сюда! А то я знаю, чем кончаются ваши дела.

И она, решительно пройдя в кухню, взяла бутылку со стола. Положив ее в пакет, не теряя времени на объяснения, она помахала Евгению и Стасу рукой и поспешила вниз по лестнице.

– Я позвоню вечером узнать новости, – крикнул ей вдогонку Асташевский.

* * *

Начала Лариса с того, что из ресторана позвонила Олегу Валерьяновичу Карташову, своему давнему знакомому, вместе с которым было раскрыто немало дел. Сейчас, став уже подполковником милиции, Карташов редко принимал непосредственное участие в расследованиях, занимаясь в основном руководящей работой. Тем не менее помощь Ларисе он оказывал порой весьма существенную, и опираться в данном деле удобнее было, конечно же, на него.

– Ты знаешь, а я предполагал такое развитие событий, – встретил Ларису с лукавой улыбкой подполковник, предварительно пригласив по телефону к себе в кабинет.

– В смысле? – удивилась Лариса. – Ты предполагал, что в Тарасове должны кого-то убить на свадьбе?

– Нет-нет, я о другом, – махнул рукой Карташов. – Я просто предполагал, что эти самые Макаровы могут быть твоими знакомыми. И еще удивился, когда на планерке заговорили об этом деле и тебя не назвали в числе присутствующих на торжестве. Или даже подозреваемых.

– Ну, к счастью, меня уже давно не зачисляли в подозреваемые, – улыбнулась Лариса. – А раньше ведь ты сам норовил упрятать меня в каталажку, едва заметив возле места преступления.

– Просто я тебя тогда совсем не знал, – поднял брови Олег. – К тому же меня раздражало, что ты постоянно крутишься там, где мои люди. За какое дело ни возьмись – а ты уже тут как тут! Ну, и хотелось сбить спесь с весьма проворной дамочки. Пусть, думаю, посидит, чтобы жизнь медом не казалась...

– А ты, оказывается, завистник! – воскликнула Лариса. – Да еще и мстительный!

– Ладно, ладно, это же шутка, – заулыбался Карташов. – Зато потом мы познакомились ближе, и я стал совсем по-другому к тебе относиться. Да и ты, как мне казалось, тоже... Или уже не помнишь?

– Помню, но не вспоминаю, – ответила Лариса, которой не очень нравилось, когда Олег начинал говорить о былых отношениях. В конце концов, все закончилось, он теперь женат, зачем ворошить прошлое? Оно теперь не имеет никакого значения. Вернее, имеет только в том смысле, что они с Олегом стали добрыми друзьями, могли порой встретиться по делу или просто так. Хотя просто так гораздо реже.

– А может быть, не мешало бы вспомнить? – вкрадчиво спросил Олег.

– Давай не будем об этом говорить, – без обиняков попросила Лариса.

– Ну как хочешь, – вздохнул Карташов. – Хотя, мне кажется, ничего страшного не было бы в том, если бы мы с тобой встретились, как в старые времена, в твоём Зеленом кабинете.

– У меня на первом месте семья, – засмеялась Лариса, вспомнив сегодняшние слова Котова.

Раньше, когда их с Евгением семейная жизнь превратилась просто в формальные отношения, редкие, не приносящие радости встречи и постоянное пьянство и загулы мужа, она легко относилась к связи с Карташовым. В конце концов, Евгений сам виноват – он совершенно перестал думать о ней и Насте, постоянно врал и большую часть времени проводил с другими женщинами, порой совершенно случайными. Отношения с Олегом стали для Ларисы в то время своеобразной отдушиной. Они помогали забыть, не думать о безрадостной семейной жизни, почувствовать, что она кому-то интересна как человек и как женщина. Но... многое изменилось с тех пор. Олег женился, а у нее и в самом деле вроде бы наладилась семейная жизнь. Евгений, нужно отдать ему должное, почти перестал пить, основную часть времени проводил дома, в Тарасове, а жене с дочерью уделял достаточно внимания. Лариса не ломала голову над тем, ходит ли он сейчас «налево», просто потому что хотела быть уверена, что нет. И в таком свете событий возобновлять связь с Карташовым она считала абсолютно лишним.

– Давай-ка перейдем к делу, – решительно отбросив мысли о прошлом как о давно забытом, подняла ладонь Лариса. – Меня интересуют подробности.

– Понимаю, – кивнул Карташов. – Только подробности тебе лучше изложит старший лейтенант Меньшов. Он выезжал на место происшествия, осматривал, разговаривал с экспертом и свидетелями. В общем, он этим делом занимается. Сейчас я тебя провожу к нему в кабинет, и он тебе все расскажет. А заодно и посмотрю, чем он там занимается.

Лариса отметила, что с тех пор как Карташов стал занимать руководящий пост, его манера вести себя по отношению к подчиненным сильно изменилась: в голосе появились начальственные нотки, участились упреки в адрес оперов, вальяжность и важность осанки стали неотъемлемой частью имиджа. Впрочем, это, наверное, закономерно. Но едва Карташов заводил речь о своем руководстве, как на глазах становился типичным подчиненным – ругал начальство, не стесняясь в выражениях, ныл, что на его голову сваливают все, что можно, сокрушался по поводу маленькой зарплаты и вообще грозился уйти из органов. Ларисе все это было хорошо знакомо.

– Ну, пошли, – Карташов поднялся из-за стола и повел Ларису по коридору.

Возле двери с номером двадцать шесть он остановился и резко толкнул ее. Сидевший за столом молодой парень в штатском, бросив взгляд на подполковника, тут же опустил глаза в какие-то бумаги, лежавшие на столе, и принял чрезвычайно занятый вид. При этом он потихоньку отодвинул в сторону журнал, открытый на странице с кроссвордом.

– Меньшов! – окликнул его Карташов. – Опять чай гоняешь?!

– Никак нет, – развел руками лейтенант, поднимаясь из-за стола.

Действительно, на его столе не наблюдалось ничего похожего ни на чашки, ни на кипяtilьник, ни на пачку с заваркой, и Лариса немного подивилась, почему Карташову пришло в голову упрекнуть его именно в таком времяпровождении.

«Вот-вот, – усмехнулась она про себя. – Типичный начальник – мент-дуболом. Раньше был тоньше. И чувства юмора больше».

– Так вот, Меньшов, – продолжал подполковник. – Направляю к тебе Ларису Викторовну Котову. Это наш, так сказать, тарасовский частный детектив. Интересуется вчерашним убийством на свадьбе. Так что будь добр, проясни человеку ситуацию. Все освети, все расскажи, покажи. Понял?

– Понял, – кивнул Меньшов.

– Проверю! – поднял указательный палец Олег Валерьянович и вышел из кабинета.

Старший лейтенант Меньшов с любопытством оглядел Ларису. Та постаралась смягчить ситуацию и спросила:

– Вас как зовут?

– Андрей, – ответил тот. – Юрьевич.

– Так что, Андрей Юрьевич, что-нибудь удалось наработать? – присаживаясь на стул, продолжила Лариса.

– Да в общем-то... – лейтенант развел руками. – Ерунда в общем-то. Толпа народу, никто толком ничего не видел, почти все пьяные... Свадьба, сами понимаете. Свидетели из них никакие. Кто-то, конечно, много чего говорил, да все не по делу. Молодожены вообще плечами пожимают.

– Так. А что они говорят о самом убитом? Кто он, чем занимался, с кем какие отношения были?

– Так в том-то и дело! – воскликнул Меньшов. – В том-то и дело, что никто о нем ничего сказать не может.

– Как так? – изумилась Лариса. – А друзья?

– Не было у него никаких друзей! Он вообще непонятно кто. И на свадьбу попал непонятно как. Никто из гостей, ни со стороны жениха, ни со стороны невесты его не признал. Никто его не приглашал, неизвестно, как он вообще появился. Персонал опросили, музыкантов – все клянутся, что его знать не знают! И главное, документов у него с собой никаких не было. Прямо даже не знаю, что и делать дальше.

Андрей Юрьевич сокрушенно покачал головой.

– Да, вот это номер, – протянула Лариса. – Как же ему удалось затеряться в толпе гостей? Хотя...

Она вспомнила собственную свадьбу. Народу тоже было достаточно, среди гостей множество совершенно незнакомых ей лиц со стороны Евгения. Да и не до того ей было, как и всем остальным. Вполне может быть, что на этого молодого человека никто не обратил внимания. Жених думает, что он со стороны невесты, она – что с его. К тому же на свадьбах постоянно присутствуют фотографы, видеооператоры, еще бог знает кто...

– Вот, если хотите, посмотрите дело, – протянул Ларисе папку Меньшов. – Тут и результаты экспертизы, правда, предварительные.

После прочтения материалов Ларисе стало известно, что мужчина, лет примерно двадцати пяти – двадцати восьми, был убит около десяти часов вечера острым предметом в грудь. Смерть наступила мгновенно. При убитом были обнаружены несколько мелких купюр, зажигалка, начатая пачка сигарет. Никаких документов и ключей при нем не было. Одежда на убитом довольно дешевая, стандартная, определить, где она куплена, невозможно.

– Вот так, негусто, – вздохнул Меньшов, когда Лариса захлопнула папку.

– А никаких заявлений о пропаже человека, похожего по приметам, не поступало? Вы проверяли? – уточнила Лариса.

– Да, проверял, – грустно кивнул Меньшов. – Ничего такого. Понимаю, конечно, что гостей нужно трясти.

– Почему именно гостей?

– А кого же? Я так понимаю, что кто-то из родственников или друзей привел его с собой, а там и убил. Ищи-свищи!

– Но зачем убивать на свадьбе? Ведь это довольно рискованно, – возразила Лариса. – В таком случае факт знакомства убийцы с жертвой может быть установлен. И тогда на него посыплется ряд вопросов. Во-первых, почему он скрыл то, что знал покойного. Во-вторых, зачем привел его. Ну, и естественно, этот человек становится подозреваемым номер один. А это практически признание его вины.

– Необязательно, – со своей стороны возразил Меньшов. – Что, если он и не собирался его убивать! Это могло произойти случайно. Ну, там, выпили, повздорили, слово за слово, тот достает нож и... А дальше понятно что делать – молчать, мол, я не я и жертва не моя, – попытался пошутить лейтенант.

– Но тогда непонятно, для чего этот человек с самого начала скрывал, что знаком с этим... убитым, – пожала плечами Лариса. – Почему он никому его не представил? Для чего вообще его привел? Нет, разбираться с гостями, конечно, нужно. И вопросов задать придется еще немало.

«И, по-видимому, главный персонаж сейчас – это все же Фунин, который пока спит у себя дома с подпиской о невыезде», – усмехнулась Котова.

– Вот посмотрите фотографии, – сказал Меньшов и выложил перед Ларисой несколько снимков.

«Да, зрелище не для слабонервных, – отметила про себя Котова. – Зарезали, как скот... Да и внешность у него, надо отметить, подходящая».

С фотографии на Ларису смотрели безжизненные глаза, а можно даже сказать, глазки. Они были мелкими, глубоко посаженными на круглом, красноватом лице. Рыжие редкие волосы, пухлые руки, животик. И все это в сочетании с мелким ростом – сто шестьдесят пять. «Колобок, – покачала головой Лариса. – Никому не известный, непонятно как оказавшийся на празднике. Как говорится в известной сказке, ото всех ушел, а от одного не сумел... Интересно, от кого? Кто выступил в роли лисы? И зачем? Кому этот неизвестный колобок помешал?»

– Нож нашли под окном, – продолжал рассказывать Меньшов.

– Под каким окном?

– Из туалета. Там, где его и убили. Где валялся этот пьяный мужик, как его... Фунин.

– Отпечатков не было?

– Нет, – покачал головой лейтенант. – Иначе этот Фунин уже давно бы на нарах отдыхал. Отпечатки были стерты.

– Версию об убийстве по пьянке отрабатывали?

– Конечно, только он никак колотья не желал. Нес тут всякую чушь, рыдал даже, – усмехнулся Меньшов. – Говорил, что буддист, что всякую тварь боится раздавить ненароком, мол, им там религия запрещает. Что тараканов даже думает, убивать или нет. А тут человек! Но... Подозрительно все это. Ненормальный он мужик какой-то. Его бы на дурку проверить! Если никого другого не найдем, придется именно Фунина на экспертизу отправлять и крутить дальше.

– Попадет бедный Борис Сергеевич под раздачу, – усмехнулась Лариса. – Нет, специально крутить его не надо. Давайте искать настоящего преступника.

– Давайте, только где? – развел руками Меньшов. – Среди гостей? Так на свадьбе их было около ста человек, не считая еще персонала и представителей свадебного сервиса. Конечно, отработали кое-кого, кто был еще там к моменту нашего приезда. А некоторые уже и уехали. Фотографы там, оператор... С тамадой побеседовали, это же он труп обнаружил.

– А кто он, кстати, такой? Что собой представляет?

– Нормальный мужик, бывший артист драмтеатра. Пять лет уже этим занимается. Кстати, неплохо характеризуется как тамада. Думаю, что это не он. С какой ему стати? Он, по словам свидетелей, к убитому даже не подходил за время праздника.

– А вот когда он заходил в туалет, кто был рядом? Он не помнит?

– Нет. Говорит, никого возле туалета не было. Там, в вестибюле – ну, это метров десять – гости стояли, разговаривали. Все как обычно.

– А когда точно наступила смерть этого человека? – Лариса показала на фотографии.

– Ну, тут, как вы понимаете, речь идет на минуты, чтобы можно было вычислить, кто покинул помещение зала. А время смерти так точно не вычислишь. В общем, невозможно там

установить ничего. К тому же все уже хорошо выпили, никто не задавался целью ни за кем следить. Как обычно на больших тусовках – суета, мотания туда-сюда. Я думаю, что его для этого на свадьбу и заманили, чтобы там грохнуть – место подходящее. Подозреваемых сразу куча – поди разберись!

– И все-таки главное – установить личность убитого, – задумчиво сказала Лариса. – Это нас сразу далеко продвинет.

– Пока что никаких заявлений о пропаже людей не было. Да и рано еще. Будем ждать, может быть, через пару дней хватятся.

– Да, наверное, – согласилась Лариса. – Я тогда пока с молодоженами встречусь, Фунина навещу. А потом позвоню вам.

– Хорошо, – кивнул Меньшов, и на этом они расстались.

* * *

От старшего лейтенанта Меньшова Лариса отправилась к себе в ресторан, дабы предупредить администратора Городова о своем временном отсутствии на работе.

«Кратковременном, будем надеяться», – подумала она про себя, вспоминая реакцию мужа на свое решение заняться делом об убийстве.

Дмитрий Степанович сегодня выглядел на удивление благодушно. Обычно этот желчный ворчун-мизантроп находился в мрачном и язвительном настроении. Лариса уже готова была выслушать его едкие замечания в собственный адрес по поводу ее легкомыслия и авантюристичности натуры, за которыми непременно должны были последовать требования выписать Дмитрию Степановичу премию за сверхурочную работу. Она даже была готова выдать ему эту премию лично, лишь бы избавиться от долгого и нудного ворчания, однако администратор повел себя совершенно не так, как она ожидала.

– Вы сегодня отлично выглядите, Лариса Викторовна, – встретил ее Городов в вестибюле ресторана, причем обычные его каркающие интонации сильно смягчились.

Лариса невольно потянулась в сумочку за зеркальцем: такого рода заявления Городова могли быть высказаны только в саркастическом ключе и означать совершенно противоположное.

А Степаныч между тем продолжал светиться радостью и миролюбием:

– Как там Евгений Алексеич поживают? Что-то давно его видно не было...

– Нормально, – осторожно ответила Лариса, украдкой посмотрев в зеркальце и не обнаружив там ничего страшного. – А я вот, Дмитрий Степанович, зашла предупредить, что меня не будет пару дней. Может быть, тройку... Премию я тебе, конечно же, выпишу.

– Прекрасно, Лариса Викторовна, прекрасно, – воскликнул Степаныч, засунув руки в карманы и перекатываясь с пятки на носок. – Жизнь вообще прекрасна, знаете ли, и удивительна...

Лариса была просто сражена.

– Дмитрий Степаныч, – еще более осторожно осведомилась она. – А... ты не заболел?

– Не-ет, – протянул Городов. – Почему это я должен заболеть?

– Ну, какой-то ты странный сегодня. Не случилось ли чего у тебя?

– Случилось, Лариса Викторовна, случилось! – радостно сообщил Степаныч. – У меня, знаете ли, теща... в санаторий уехала! По путевке. Бесплатной! – подчеркнул он. – Наконец-то, обезьяна старая, додумалась хоть какую-то пользу принести. Сходила в горздрав, пожаловалась на свое здоровье... Она там, наверное, так всех достала, что ей, чтобы отвязаться, путевку-то и выдали. Как инвалиду второй группы. Вот так!

Степаныч довольно посмотрел на Ларису.

– Я прямо свет увидел! А то мозги уже проела насквозь! Я вот думаю – может, она там пенсионера какого себе найдет, а? Старичка какого-нибудь, побогаче только. Выйдет замуж, жить к нему уйдет...

Степаныч мечтательно закатил глаза и поцокал языком. Потом снова посмотрел на Ларису и несколько сменил тон.

– А вот вы, Лариса Викторовна, меня, между прочим, ни разу бесплатной путевкой не премировали! – вдруг выдал он. – Хотя я ваш самый старый и добросовестный работник!

– Ну, я, знаешь ли, не горздрав, – отрезала Лариса, моментально уловившая перемену в настроении администратора. – Так что принимай вахту и работай. Все, пока!

И она поспешила покинуть ресторан, пока Дмитрий Степанович не оседлал своего любимого конька и не вспомнил, что жизнь его не «прекрасна и удивительна», а «бедна, скучна и, главное, безденежна».

* * *

Дверь Ларисе после третьего звонка открыл симпатичный вихрастый шатен в очках, лет двадцати трех, в очевидно наскоро натянутых джинсах, торс оставался голым.

«Понятно, у молодых в начале медового месяца свои дела», – усмехнулась про себя Лариса, а вслух сказала:

– Здравствуйте, мне бы хотелось поговорить с Антоном. Меня зовут Лариса Викторовна Котова.

– А, здрасьте, – почесав лоб, проговорил парень. – Проходите. Юль, к нам пришли! – крикнул он в глубь квартиры.

Ларису он провел на кухню – видимо, новобрачная в комнате одевалась. Вскоре она сама показалась на пороге кухни – невысокая, крепко сбитая блондинка с очень коротким ежиком волос, одетая в черно-белую футболку и джинсы.

– Здравствуйте, я Юля, – не очень уверенно проговорила она, усаживаясь на стул напротив Ларисы и вопросительно глядя на супруга.

– Я пришла по просьбе Станислава Асташевского, – пояснила Лариса.

– Да, он звонил, мы в курсе, – поспешно кивнул Антон, присаживаясь на подоконник. – Вы о чем-то хотели спросить?

– Да, мне нужно узнать подробности того, что произошло на вашей свадьбе, – подтвердила Лариса. – Извините, что беспокою вас в такой период, но... Без этого никак нельзя.

– Ой, это все так кошмарно, – вздохнула Юля и покачала головой. – Антон, где у нас кофе?

Антон сунулся в буфет, порывшись на верхней полке, потом на нижней, затем полез в шкафчик, откуда выудил наконец банку «Нескафе».

– Мы только недавно сюда переехали, – пояснил он. – Вы будете кофе?

Лариса не стала отказываться, и Антон нажал на кнопку электрического чайника, стоявшего на столе.

– Итак, ребята, насколько я поняла, убитый вам не был известен?

– Нет, – прижала руки к груди Юля. – Это вообще что-то... непередаваемое! Необъяснимое! Я-то никакого значения ему не придала, думала, что это кто-то из знакомых Антона. Обратила внимание еще за столом, какая мерзкая у него рожа! – эмоционально высказалась она и тут же спохватилась, поймав укоризненный взгляд молодого супруга. – Ой, извините, это я так... Просто расстроилась ужасно... Сами посудите, свадьба – а тут такое!

– Вот это и удивительно, – заметила Лариса. – Почему на свадьбе?

– Вот, вот! – эмоционально подхвятил Антон. – Почему на нашей свадьбе? – подчеркнул он. – Кто вообще приловок к нам этого?..

Он не смог подобрать слова, осекся и махнул рукой, отключая закипевший чайник и принимаясь разливать кофе. Вид у него был как у обиженного ребенка, которому испортили праздник.

– А вы не пробовали разговаривать со своими друзьями? – помешивая ложечкой в чашке, спросила Лариса. – Может быть, кто-то из них по простоте душевной привел с собой этого парня, а теперь, после столь драматичных событий, боится в этом признаться?

Антон наморщил лоб.

– Вообще-то у нас и не было времени разговаривать с каждым отдельно, – ответил он. – И потом, мы все были в трансе. Милиция приехала, всех опросили... Ну, все мялись, конечно, плечами пожимали... Никто ни в чем не признался. А потом мы с Юлей домой поехали, решили наконец наплевать на эти заморочки и вспомнить, что у нас первая брачная ночь. В конце концов, какое нам до всего этого дело?! – снова заведясь, эмоционально выкрикнул он.

– Но ведь нас все равно не оставят в покое, – тяжело вздохнула Юлия, поглаживая короткий ежик своих волос.

– Лариса Викторовна, – заговорил Антон просящим тоном. – Нельзя ли сделать так, чтобы нас не трогали? Ну мы же уже все рассказали! Мы-то тут при чем? А нас теперь затаскают. Мы же в свадебное путешествие собрались! А с нас подписку о невыезде взяли. Козлы! – не сдержавшись, выругался он и тут же извинился перед Ларисой.

– Ребята, я вполне понимаю ваши чувства, – развела руками Лариса. – Но вряд ли смогу что-то сделать, чтобы вас отпустили в путешествие раньше, чем будет закончено дело. Поэтому главная для меня задача – побыстрее завершить его самой.

– А... вы это быстро сделаете? – спросила Юля.

Лариса чуть улыбнулась.

– Ничего обещать не могу, кроме того, что буду стараться. Если бы выяснить личность убитого, тогда, конечно, дело пошло бы быстрее. Кстати, вы не можете вспомнить хотя бы, как его зовут? Ну, он же хоть с кем-то ведь общался, к нему как-то обращались...

Антон и Юля переглянулись.

– Что касается меня, то я с ним не знакомился и он мне не представлялся, – решительно ответил молодой муж и посмотрел на жену.

– А я-то что? – пожалала та плечами. – Я с ним тоже не разговаривала. Просто внимания на него не обращала. Он к нашей компании и не подходил, мы все больше вместе держались, молодежь... Ну, подружки мои и друзья Антона. Мы танцевали много, на улицу выходили. А его с нами не было. Зачем? Мы же и знакомы не были!

– Эх, если бы я заранее знал, что так получится, – с сожалением проговорил Антон. – Пинком бы его вышвырнул со свадьбы!

– Ну зачем ты так говоришь? – укоризненно посмотрела на него Юлия. – Разве он виноват, что его убили? Знать бы, кто это сделал, лучше бы было его вышвырнуть.

Антон виновато заморгал глазами и залпом выпил кофе.

– Да нет, это я так... – пробормотал он. – Просто расстроился сильно и разозлился. Конечно, парень ни в чем не виноват... Но зачем он к нам на свадьбу пришел без приглашения? – вновь взвился он.

– Хорошо, я постараюсь это выяснить, – сказала Лариса, понимая, что, кроме бурных эмоций, больше ничего не добьется от этих молодых людей. – Ребята, с кем вы мне можете посоветовать поговорить? Из тех, кто был на свадьбе? Не помните, с кем разговаривал этот таинственный парень? Или просто – кто из гостей был самым общительным и разговорчивым?

Молодожены задумались.

– Самый общительный был этот... Облезлый такой, – Юлия прыснула и весело посмотрела на Антона. – Ты говорил, что это какой-то друг твоего отца. Ну, такой, с круглой опухшей физиономией, все по залу шлялся и ко всем приставал!

– Фунин! – вспомнив, воскликнул Антон. – Да, вот уж кому не откажешь в общительности! Только он моему отцу и не друг совсем. Просто старый знакомый.

– Да? А почему же тогда его на свадьбу пригласили? – ехидно заметила Юля.

– Слушай, – начал закипать Антон. – Свадьбу вообще-то отец устраивал, значит, имеет право приглашать кого захочет!

– Но это наша свадьба! – упрямо возразила Юля. – А этот пьяница Катьке платье вином облил!

– А твоя тетушка напилась, на ногах не устояла и об стол шарахнулась своим мощным бедром! – разозлившись, выкрикнул Антон. – Сколько посуды перебила! А потом песни народные орала, аж на улице слышно было. Позорище! Простота, она хуже воровства!

– А твои... – вскочив со стула, с горящими глазами хотела было продолжить Юля, но Лариса остановила ее:

– Тише, тише! Из-за чего вы ссоритесь? Сейчас совсем о другом нужно думать. Давайте-ка быстренько успокойтесь и постарайтесь еще кого-нибудь вспомнить из гостей, кто мог общаться с убитым. Ну вы же сами просили меня помочь!

Надувшиеся Юля и Антон виновато посмотрели на Ларису. Антон первым взял себя в руки и, примиряюще улыбнувшись своей супруге, погладил ее по плечу и сказал:

– Можете поговорить с любым из наших друзей. Тот парень все-таки молодой был, может, и разговаривал с кем. Адреса запишете?

Лариса, поняв, что предстоит довольно длинный список, открыла свой блокнот и принялась записывать. После Антона данные своих подруг перечислила и Юля. Их, к счастью, оказалось меньше.

– Ну что ж, – захлопывая блокнот, сказала Лариса и поднялась. – Ждите новостей. Если вы мне понадобится, я позвоню. И не бойтесь ничего, наслаждайтесь своим медовым месяцем, хоть он и получился у вас таким нестандартным. А в путешествие можно съездить и потом, когда все закончится. Будет дополнительный праздник.

И, улыбнувшись на прощание, Лариса покинула квартиру Макаровых.

Глава 3

– Ой, е-мое! – выдохнул Борис Сергеевич, тяжело переваливаясь на другой бок. – Как мне плохо! То-ма!..

– Ну что еще?

В комнату зашла Тамара и с ненавистью посмотрела на развалившегося на кровати мужа.

– Дай пива, а?!

– Нажрался как с-свинья! – сквозь зубы выдавила жена и резко выскочила из комнаты.

Спустя некоторое время она вернулась с бутылкой пива и бросила ее прямо под нос Борису.

– Ты чего? – подскочил на кровати Фунин. – Ты чего... кидаешься-то?

– А что мне, прикажешь тебе на подносе преподнести, может быть, еще креветочек на закуску?

– Вот это ни фига себе! – продолжал картинно сокрушаться Фунин.

Он уже сидел на кровати в позе лотоса, весь взлохмаченный и набыченный. Однако ответа он не дождался. Тамара так же решительно, как вошла, так и вышла из комнаты. Фунин взял бутылку в руки и хотел было уже начать пить, как вспомнил, что перед тем желательно было бы бутылку все же открыть. Он всплеснул руками и снова позвал:

– То-ма!

– Я сейчас убью тебя! – жена тут же появилась на пороге комнаты. – Чего еще?

– Ну, открывалку-то дай!

Спустя полминуты в Фунина полетела открывалка, он едва успел увернуться.

– И чтобы сегодня же вечером тебя здесь не было! – пригвоздила она мужа следующей фразой. – Мне надоело!

– Ни фига себе!

– А что, мне ждать, пока за тобой милиция придет?

– Кто придет? Какая милиция? – вытаращил он глаза на жену.

И тут он вспомнил, что произошло вчера, на свадьбе у Макаровых, куда он практически напросился. Изначально предполагалось присутствие только Тамары, но интуитивно чувствующий запах большой пьянки Борис Сергеевич сумел повернуть дело так, что и он удостоился официального приглашения со стороны Вадима – просто в нужный момент явился домой после продолжительного пребывания у старой любовницы. Как раз несколько дней назад и ей надоело выдерживать близ себя бесполезного и бредового Фунина, и она выставила его за дверь. Возвращаться Фунину было некуда, кроме как к жене.

– Е-мое! Как же так угораздило-то, а?

Борис Сергеевич откупорил бутылку и сделал большущий глоток. Боль в голове вроде стала потихоньку проходить.

– Слушай, Тома, а что, я дома, да? – задал он глупый вопрос, на который жена отреагировала лишь ядовитой ухмылкой. – Та-ак... Ну что ж, уже хорошо. В общем, я решил сам выяснить, в чем там вчера было дело. Сейчас завожу машину и еду по делам. У меня рубашка чистая есть?

– Машину ты не заводишь и никуда не едешь, – отрезала Тамара. – Машину ты разбил еще два месяца тому назад, уже забыл, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.